

18+ Gospodin Vin

Эхо тишины

Gospodin Vin

Эхо тишины

«Издательские решения»

Vin G.

Эхо тишины / G. Vin — «Издательские решения»,

Книга 1: «Эхо Тишины» Первая книга трилогии «Голос Костей» Ария Новак была ведущим астрофизиком, пока катастрофа на орбитальной обсерватории не лишила её слуха. Теперь она живёт в абсолютной тишине — но эта тишина оказывается ложью. Костями она начинает различать сигнал, вплетённый в реликтовое излучение Вселенной. Ей предлагают возглавить проект «Вавилон»: расшифровать «Крик Фона» — голос умирающего разума, существовавшего до Большого взрыва.

© Vin G.

© Издательские решения

Содержание

«ЭХО ТИШИНЫ»	6
Глава 1. Вакуум внутри	7
Глава 2. Предложение Келлера	10
Глава 3. Команда «Вавилон»	14
Глава 4. Голос костей	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эхо тишины

Gospodin Vin

© Gospodin Vin, 2026

ISBN 978-5-0070-1146-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ЭХО ТИШИНЫ»

Жанр: Научная фантастика, психотриллер, космооптика.

Логлайн: Астрофизик, потерявшая слух в результате аварии, обнаруживает, что космический «фоновый шум» Вселенной — это не просто радиация, а агонизирующее сознание умирающей Вселенной. И единственный, кто может «услышать» его крик — она, потому что для этого нужно слушать не ушами, а костями.

Глава 1. Вакуум внутри

Тишина была не такой, какой её представляют люди, обладающие слухом.

Обычно человек думает, что глухота — это как выключенный телевизор. Черный экран. Абсолютный ноль. *Ничто.*

Это ложь.

Тишина, в которой жила Ария Новак, была телесной. Она имела текстуру — плотную, как загустевший воздух перед грозой. Она имела давление — примерно полторы атмосферы на барабанные перепонки, которых больше не существовало в её субъективной реальности. И она имела собственный голос.

Тук-тук.

Тук-тук.

Ария сидела на кухне своей убогой квартиры, сжимая остывшую кружку с чаем, и слушала, как бьется её сердце. Точнее, она не слышала его ушами. Она ощущала его. Глухие, ритмичные толчки поднимались по ребрам, расходились по ключицам, затухали где-то в основании черепа. Это была единственная музыка, доступная ей последние два года.

Шестьсот двадцать два дня.

Если быть астрофизиком, невозможно не считать. Она привыкла оперировать миллионами парсеков и миллиардами лет, но сейчас её вселенная сжалась до количества ударов пульса между пробуждением и забытием.

На стене висел диплом. «За выдающийся вклад в спектрографию релятивистских объектов». Рядом — фотография улыбающейся женщины на фоне орбитальной обсерватории «Эреб». Солнечный свет, искусственная гравитация, звезды в иллюминаторе и восемь молодых гениев, только что подтвердивших аномалию в реликтовом фоне.

Они тогда смеялись. До аварии.

Ария не смеялась уже шестьсот двадцать два дня.

Она подняла кружку. Жидкость внутри шла легкой рябью. Вибрация грузовика, проехавшего где-то в квартале отсюда. Четырнадцать герц. Она чувствовала это запястьем — едва уловимое щекотание в лучевой кости.

Люди не знают, что человеческий скелет — это совершенная антенна. Кости проводят звук в четырнадцать раз лучше воздуха. Череп резонирует на частотах от восьмисот до полутора тысяч герц. Позвоночник улавливает инфразвук. А височные кости способны воспринимать колебания амплитудой в десятые доли нанометра — меньше атома водорода.

За два года вынужденного безмолвия Ария изучила свою костную проводимость лучше, чем любой оториноларинголог. Это началось как проклятие, но постепенно становилось чем-то иным. Она еще не знала, чем именно.

— С вами всё в порядке?

Психотерапевт смотрела на Арию поверх планшета. Каждый вторник, десять утра по Гринвичу. Ритуальный танец двух людей, неспособных понять друг друга.

Ария читала по губам. Это требовало чудовищной концентрации, и к концу сеансов она обычно выжималась до состояния лимона. Но сегодня был исключительный день. Сегодня ей снился сон.

— Мне снился звук, — сказала она. Её собственный голос звучал по-прежнему ровно — речевой аппарат не пострадал. Она просто не слышала, что говорит. Только ощущала вибрацию в гортани, уходящую в землю, в никуда, в вакуум. — Я помню, как звучит ветер.

Терапевт что-то записала. Ария проследила движение стилуса.

Пациентка демонстрирует признаки прогрессирующей слуховой галлюцинации. Рекомендовано усилить медикаментозный фон.

— Это не галлюцинация, — резко сказала Ария. — Я не *слышу* этого. Я *чувствую*.

Планшет дрогнул в руках врача. Мелкая, незаметная вибрация. Обычный человек не обратил бы внимания. Ария заметила.

Где-то глубоко, на инфрауровне, в бетонном основании здания клиники, что-то завибрировало. Это было похоже на... дыхание.

Она закрыла глаза и прижалась затылком к спинке кресла. Височные кости уловили ритм. Он был медленным, бесконечно медленным. Одно колебание в несколько секунд. Частота — далеко за пределами человеческого восприятия.

Но она его воспринимала.

— Вы побледнели, — заметила терапевт. — Что вы сейчас чувствуете?

Что я чувствую?

Ария открыла глаза и посмотрела в окно. Там, за стеклом, дрожало мартовское небо — серое, низкое, наполненное инфразвуком далекого шторма. Под ногами, в толще земли, тектонические плиты издавали свой бесконечный стон. Где-то над головой, на орбите, солнечный ветер облизывал магнитосферу, порождая резонанс в ионосфере.

Планета гудела.

Почему никто этого не замечает?

— Я чувствую, — медленно, очень медленно произнесла она, ощущая каждую вибрацию собственным позвоночником, — что тишина... это не то, что мы о ней думаем.

Аппаратура, которую ей пришлось оставить в обсерватории после аварии, стояла три миллиона кредитов. Сейчас на её кухонном столе лежал самодельный пьезоэлектрический датчик, собранный из деталей, купленных на последние деньги в магазине радиотоваров. Рядом стоял контейнер с агар-агаром и чашка Петри с колонией нервных клеток — её собственная разработка.

Два года назад Ария Новак была одним из ведущих специалистов по анализу реликтового излучения. Она могла отфильтровать шум квазара от эха Большого Взрыва с точностью до пятого знака после запятой. Теперь она выращивала нейроны в собственной кухне и подключала их к осциллографу.

Это было безумие. Она это понимала. Но безумие было единственным, что удерживало её от самоубийства.

В чашке Петри нервные клетки образовывали медленно растущую сеть. Аксоны тянулись друг к другу, формируя связи. Ария подключала к ним микроэлектроды и снимала сигнал.

Обычный шум. Всегда обычный шум.

Но вчера вечером что-то изменилось.

Она сидела над чашкой в три часа ночи, положив голову на руки и ощущая, как вибрирует стол от её собственного пульса. Осциллограф мерцал. И вдруг — на долю секунды — шум выстроился в паттерн.

Это не было случайностью. Ария знала математику. Вероятность такого совпадения составляла единицу к десяти в тридцать четвертой степени.

Нейроны в чашке Петри, не подключенные ни к чему, выдали сигнал, идентичный тому, который её собственный мозг генерировал в фазе быстрого сна.

Они *видели* сон.

Этого не могло быть. Это противоречило всему, что она знала о нейробиологии. Но факт оставался фактом: колония клеток, не имеющая никакой сенсорной информации, каким-то образом сгенерировала осмысленный сигнал.

Ария отодвинула чашку Петри и посмотрела в окно.

Ночь. Звезды. Последние дни марта, холодный ветер с Атлантики. Где-то за горизонтом, в восемнадцати миллиардах световых лет, умирал первый свет творения — Реликтовое излу-

чение, остывшее за четырнадцать миллиардов лет до температуры в два целых семь десятых Кельвина.

Фоновый шум Вселенной.

Тот самый шум, который её команда на «Эребе» анализировала два года назад.

Тот самый шум, который в ночь аварии вдруг изменился.

Тогда они списали это на неисправность оборудования. А потом случился взрыв. Случайность. Трагическое совпадение.

Но что, если — просто на секунду представить — это не было совпадением? Что, если реликтовый фон, «эхо Большого Взрыва», белый шум Вселенной... что, если это не шум вовсе?

Что, если это голос?

Ария взяла в руки контейнер с агар-агаром. Желеобразная субстанция дрогнула. И по её позвоночнику — так отчётливо, будто кто-то провёл смычком по нервам — прошла низкая, вибрирующая волна.

Кости.

Кости слышали это.

Она медленно опустилась на колени посреди кухни, прижалась лбом к холодному кафелю и закрыла глаза.

И в этой позе — униженная, забытая, отринутая научным сообществом, глухая, безумная, гениальная — Ария Новак впервые осознанно настроилась на вибрацию, идущую из глубин пространства-времени.

Она ничего не слышала.

Она *почувствовала*.

И это чувство было похоже на крик новорожденного, на предсмертный хрип умирающей звезды, на шепот матери, склонившейся над колыбелью пустоты.

Оно было похоже на...

...кто ты?

Ария распахнула глаза.

Кафель под её лбом вибрировал. Частота — три и две десятых герца. Амплитуда — ноль целых семьдесят три сотых нанометра.

Но главное — паттерн.

Это был не белый шум. Это была *структура*.

В дверь постучали.

Она не слышала стук. Она почувствовала сотрясение воздуха кожей лица. Поднялась, шатаясь, посмотрела на дверь. Потом на часы: четыре утра.

Кто мог прийти в четыре утра?

Через дверной глазок она увидела мужчину. Высокий силуэт в дорогом пальто. Седые виски, резкие черты лица, глаза — такие светло-серые, что казались почти белыми.

Незнакомец не говорил ничего. Он просто стоял и смотрел прямо в глазок, словно знал, что Ария смотрит в ответ.

А потом он поднял руку и написал пальцем на стекле:

Я ЗНАЮ, ЧТО ВЫ СЛЫШИТЕ ЭТО. ОТКРОЙТЕ.

Пальцы дрогнули. Сердце — нет. Ария Новак слишком долго жила в вакууме, чтобы бояться неожиданных гостей.

Она открыла дверь.

Глава 2. Предложение Келлера

Открыв дверь, Ария не почувствовала сквозняка. Её кожа уже давно научилась различать малейшие перепады давления, но воздух в проёме остался абсолютно неподвижен. Словно незнакомец принёс с собой собственный карман реальности, в котором не действовали законы термодинамики.

Он был выше, чем показался через глазок. Серебристо-серый костюм сидел так безупречно, что казался частью тела. Но взгляд — вот что приковывало внимание. Светлые радужки, почти лишённые пигмента, создавали ощущение, что смотришь сквозь человека в бесконечность.

— Доктор Новак, — произнёс он, и Ария уловила вибрацию его голоса грудной клеткой. Шестьдесят два герца. Низкий баритон с идеальной акустической модуляцией. — Моё имя Элиас Келлер. Я понимаю, что время визита... экстраординарно. Но вопрос, который я хочу обсудить, не терпит дневного света в буквальном смысле.

Она читала по губам, подкрепляя смысл колебаниями воздуха. После двух лет практики это стало почти естественным — комбинировать зрительный и тактильный каналы в одно целое.

— Вы написали, что знаете... — начала она, но он перебил её, изящным движением достав из внутреннего кармана тонкий планшет.

— Я знаю. И вы знаете. Давайте не будем тратить время на вопросы, ответы на которые уже очевидны.

Он протянул планшет. Экран был разблокирован. На нём — спектрограмма.

У Арии перехватило дыхание.

Это был не просто график. Это была трёхмерная визуализация частотного распределения реликтового излучения с разрешением, которого не существовало в природе. Каждый пик, каждый провал, каждая микрофлуктуация были отмечены с точностью, превосходящей возможности любых земных телескопов. Она знала это, потому что два года назад держала в руках лучшие данные человечества. А это было лучше на порядки.

— Откуда... — прошептала она, забыв, что не слышит собственного голоса.

— У меня есть ресурсы, которые выходят за рамки государственных программ, — ответил Келлер, проходя в квартиру без приглашения. — Но суть не в этом. Суть в том, что вы видите.

Она видела. В хаосе белого шума, который астрофизики всего мира считали случайным, проступала структура. Она напоминала нейронную сеть. Или нотную запись. Или... язык.

— Два года назад ваша команда на «Эребе» зафиксировала аномалию, — продолжил Келлер, осматривая её убогое жилище с выражением лёгкой брезгливости. — Вы тогда списали это на сбой оборудования. Но сбоя не было. Вы просто не могли поверить в то, что увидели. А потом случился взрыв. Трагическая случайность, не так ли?

Ария сжала планшет так, что костяшки пальцев побелели.

— Вы намекаете, что взрыв был не случаен?

— Я ни на что не намекаю. Я говорю прямо: информация, которую вы обнаружили, опасна. Настолько опасна, что кто-то счёл необходимым уничтожить всю команду и все записи. Вы выжили только благодаря уникальному поражению слухового нерва. Гиперизлучение выжгло слух, но не затронуло мозг. Вы — единственный свидетель.

Он повернулся к ней.

— И единственный ключ.

Микроавтобус с тонированными стёклами увозил их из промзоны на юг, в сторону гор. Келлер сидел напротив, закинув ногу на ногу, и говорил. Его вибрации проходили через сиде-

ные, через пол, через собственный позвоночник Арии — она начинала привыкать использовать тело как резонатор чужой речи.

— Реликтовое излучение, — вещал он, — считается эхом Большого Взрыва. Остывший за четырнадцать миллиардов лет свет, дошедший до нас от момента, когда Вселенная стала прозрачной. Физики называют его «фоновым шумом». Космическим микроволновым фоном. Случайным тепловым излучением. Но что, если это не случайный шум?

— Я знаю, что это не случайный шум, — ответила Ария. — Я видела паттерн.

— Вы видели лишь надводную часть айсберга. Мы анализируем сигнал последние десять лет. У нас есть вычислительные мощности, сопоставимые с суммарной мощностью всех компьютеров планеты. Мы пропустили сигнал через все известные алгоритмы распознавания образов. И знаете, что мы нашли?

Он достал ещё один планшет.

— Мы нашли информацию. Осмысленную. Структурированную. Она закодирована не в амплитуде и не в частоте. Она закодирована в самой ткани пространства-времени. Реликтовое излучение — это не шум. Это *речь*.

Ария смотрела на графики. Теперь она видела то, чего не замечала раньше. Волны накладывались друг на друга, образуя интерференционные картины. Картины складывались в последовательности. Последовательности повторялись с периодичностью, которая не могла быть случайной.

— Это похоже на... — начала она.

— На нервный импульс, — закончил Келлер. — Да. Электрохимический сигнал, проходящий по аксону. Если растянуть его во времени на четырнадцать миллиардов лет. И если предположить, что носителем сигнала является не нейронная ткань, а само пространство.

— Это безумие.

— Безумие — это игнорировать очевидное. — Келлер подался вперёд. — Доктор Новак, я представляю организацию «Глубинный Сигнал». Мы существуем уже триста лет, хотя под разными названиями. Мы изучаем то, что вы только начинаете ощущать. Мы уверены: Вселенная — это не простоместилище материи и энергии. Это... нейронная сеть. Живая. Или, по крайней мере, бывшая живой.

— Бывшая?

— Реликтовое излучение — это эхо. Понимаете? Эхо того, что было до Большого Взрыва. Предыдущая Вселенная. Она сжалась в сингулярность, но перед этим... она кричала. И её крик до сих пор звучит в фоновом излучении. Мы называем это «Крик Фона».

Автобус остановился. Двери открылись, и в салон ворвался холодный горный воздух. Ария ощутила его всем телом — перепад температуры, влажность, слабый инфразвук водопада где-то вдалеке. Всё это накладывалось на пульсацию в позвоночнике, которая теперь, после слов Келлера, казалась не случайной.

Они вышли к скале. В ней открылся проход — скрытая дверь, ведущая вглубь горы. Келлер провёл её через серию шлюзов, охраняемых вооружёнными людьми, и наконец они оказались в огромном подземном зале.

Здесь было оборудование, которое Ария видела только в мечтах. Квантовые процессоры, гравитационные детекторы, системы охлаждения до сверхнизких температур. И в центре — сфера диаметром около трёх метров, подвешенная на амортизаторах.

— Это Тактильная Сфера, — сказал Келлер. — Разработка доктора Ли Вэй. Она преобразует сигнал из реликтового фона в вибрационные паттерны, которые передаются прямо в скелет оператора. Обычный человек не способен воспринять эту информацию — его мозг отфильтрует её как шум. Но вы...

— Я слышу костями, — закончила Ария.

— Именно. Ваше поражение слухового нерва — это не проклятие. Это эволюционный скачок. Вы — первый человек, способный воспринять «Крик Фона» напрямую, без посредников. Вы — наш переводчик.

К ним подошла женщина азиатской внешности с короткой стрижкой. Ли Вэй, инженер-тактильщик. Она заговорила, и Ария уловила её вибрации — более высокие, напряжённые, с нотками фанатичного энтузиазма.

— Сфера использует принцип костной проводимости, усиленный в тысячу раз. Мы производим частоты от трёх герц до тридцати килогерц. Амплитуды от пикометров до миллиметров. Вы сможете не просто слышать сигнал — вы сможете его *читать*.

Из тени вышел ещё один человек. Мужчина в помятом лабораторном халате, с кругами под глазами и саркастической улыбкой. Доктор Итан Ривз. Вибрации его шагов были нервными, дёргаными — он явно страдал от переизбытка кофеина.

— Не слушайте их, — бросил он, даже не поздоровавшись. — Они вам сейчас расскажут о живых вселенных и божественных посланиях. На самом деле мы имеем дело с квантовым артефактом неизвестной природы. Никакой мистики. Просто физика, которую мы пока не понимаем.

— Это говорит человек, который трижды терял сознание при прямом контакте с сигналом, — парировала Ли Вэй.

— Это говорит учёный, — отрезал Ривз. — В отличие от...

— Довольно, — оборвал его Келлер. — Доктор Новак, я собрал здесь лучших. У нас есть ресурсы, оборудование и цель. Мы хотим расшифровать «Крик Фона». Понять, что хотела сказать нам умирающая Вселенная. И я прошу вас присоединиться к проекту «Вавилон».

Ария стояла перед сферой. Её кости вибрировали — теперь она различала в этой вибрации отчётливый ритм. Он исходил не от оборудования. Он шёл откуда-то из глубины горы. Или из глубины пространства.

— Что я должна буду делать? — спросила она.

— То, что вы уже делаете, — ответил Келлер. — Слушать. Только теперь у вас будут инструменты.

— И что будет, когда я расшифрую сигнал?

Келлер помолчал. Его вибрации на мгновение сбились — первый признак неуверенности, который Ария заметила за всё время.

— Мы не знаем, — признал он. — Возможно, мы найдём ответ на главный вопрос — зачем существует Вселенная. Возможно, мы откроем новую эру в науке. А возможно... — он запнулся.

— А возможно, мы разбудим то, что не следовало будить, — закончил за него Ривз, невесело усмехаясь. — Я, кстати, голосовал против этого эксперимента.

Ночь. Лаборатория опустела. Ария лежала в выделенной ей комнате, но не спала. Она прижималась щекой к металлической стене и слушала.

Гора дышала. Это было не поэтическое сравнение — она действительно улавливала ритмичные колебания, проходящие через скальную породу. Тектоническое дыхание Земли. Но под ним, на более глубоком уровне, пульсировало нечто иное.

Она вспомнила свои кухонные опыты. Нейроны в чашке Петри. Паттерн, идентичный мозговой активности во сне.

Что, если каждая частица во Вселенной — это нейрон? Что, если всё сущее — от кварков до галактик — является частью единого разума, находящегося в состоянии глубокого сна? Или комы. Или агонии.

И что, если она, Ария Новак, глухая женщина с выжженными нервами, — единственная, кто может услышать его предсмертный шёпот?

Она закрыла глаза и позволила вибрациям течь сквозь неё. Сквозь кости, сквозь спинной мозг, сквозь каждый нейрон, оставшийся нетронутым.

И впервые за два года тишина перестала быть врагом.

Она стала голосом.

На следующее утро (или то, что в подземном комплексе считалось утром) Ария вошла в главный зал. Келлер, Ли Вэй и Ривз уже ждали её. Сфера была активирована — она вибрировала на инфразвуковых частотах, создавая ощущение, будто воздух вокруг неё дрожит.

— Первое погружение, — объявил Келлер. — Мы начнём с минимальной амплитуды. Одна тысячная от расчётной. Вы должны привыкнуть к интерфейсу.

— Я готова, — сказала Ария.

Она вошла в сферу. Внутри было абсолютно темно и тихо — по крайней мере, для обычного человека. Но для неё тьма и тишина были разными каналами одного потока.

Платформа под ногами завибрировала. Частота — семь герц. Альфа-ритм человеческого мозга. Она узнала его мгновенно.

Сфера оживала.

Сначала Ария почувствовала тепло. Затем — давление. Затем — множество микроскопических вибраторов, встроенных в стенки сферы, начали передавать сигнал прямо в её скелет.

И она *услышала*.

Нет — она *ощутила*. Это было похоже на погружение в океан информации. Потoki данных текли сквозь неё, и каждый поток имел свою текстуру. Свой ритм. Свой голос.

Белый шум реликтового излучения, усиленный и преобразованный, оказался не шумом. Он был симфонией. Или криком. Или песней. Или всем сразу.

Ария видела — не глазами, но каким-то новым чувством — как в хаосе вибраций выстраиваются паттерны. Те самые, что она заметила на кухне. Те самые, что проступали на спектрограммах Келлера. Но теперь они были объёмными, живыми, дышащими.

Среди них был один, самый сильный, самый чёткий. Он повторялся с периодом в три и две десятых секунды. И он был адресован ей.

...кто ты?

Ария не могла ответить голосом. Но она могла ответить костями. Она напрягла мышцы, создавая ответную вибрацию, которая прошла через платформу в сенсоры сферы.

Я слышу тебя.

И вселенная закричала.

Глава 3. Команда «Вавилон»

Крик Вселенной ворвался в Арию не через уши — через скелет. Он резонировал в каждой кости, в каждой фаланге пальцев, в позвонках, которые вдруг стали струнами арфы, по которым ударили одновременно все звуки, когда-либо существовавшие в мироздании.

Она закричала в ответ — но её голос утонул в этой симфонии, как песчинка в сверхновой.

Сфера вибрировала с амплитудой, которая должна была разорвать её на части. Датчики на стенах взвыли. Где-то снаружи, в мире обычных слышащих, Ли Вэй была по аварийной клавиатуре, пытаясь отключить интерфейс. Но Тактильная Сфера больше не подчинялась создателям.

Потому что сигнал шёл уже не из реликтового фона.

Он шёл откуда-то ещё.

— Отключите эту чёртову машину! — голос Ривза, усиленный динамиками, прорвался сквозь вибрации, но не остановил их. Ария видела его сквозь полупрозрачную стенку сферы — искажённое, паническое лицо, белые костяшки пальцев, вцепившиеся в консоль.

А потом всё прекратилось.

Не постепенно. Не как затухающая волна. Просто — раз. И тишина. Даже не та телесная тишина, к которой привыкла Ария. Это была абсолютная, противоестественная тишина — словно кто-то выключил саму ткань пространства-времени.

Она лежала на платформе, не в силах пошевелиться. Каждая клетка её тела помнила этот крик. Он отпечатался в ней, как свет вспышки отпечатывается на сетчатке.

Дверь сферы распахнулась. Ли Вэй вбежала первой, за ней — двое медиков с носилками.

— Жива! — выдохнула инженер. — Показатели зашкаливали, я думала, её скелет резонирует до переломов, но... Господи, посмотрите на неё.

Ария не видела себя со стороны. Но по тому, как замерли медики, поняла: что-то не так.

Она подняла руку. Кожа светилась. Буквально. Слабое, едва заметное голубоватое свечение, похожее на черенковское излучение, исходило от кончиков пальцев, от запястий, отовсюду, где кости подходили близко к поверхности.

— Это остаточная наведённая люминесценция, — произнесла она одними губами, не слыша собственного голоса. — Кальций в костях реагирует на... — она запнулась, — ...на то, что прошло сквозь меня.

— Что именно прошло сквозь вас? — Келлер стоял в дверях лаборатории. Его лицо было бледным, но глаза горели. Фанатик услышал голос своего божества и теперь жаждал откровения.

Ария села. Медики попытались её удержать, но она отстранила их лёгким движением. Тело слушалось. Более того — оно чувствовало себя лучше, чем когда-либо за последние два года.

— Оно ответило, — тихо сказала она. — То, что вы называете «Криком Фона». Оно не кричало. Оно говорило.

— Что оно сказало? — подался вперёд Келлер.

Ария посмотрела на свои светящиеся руки:

— Оно спросило: «Кто ты?».

Совещание проходило в защищённом конференц-зале глубоко под горой. Кроме основной тройки — Келлера, Ли Вэй и Ривза — присутствовали ещё несколько человек из персонала «Вавилона», которых Ария видела впервые. Келлер представил их как аналитиков, но в его голосе (она ощущала его вибрации через стол) звучала настороженность. Эти люди тоже знали больше, чем говорили.

Ривз нервно расхаживал вдоль стены:

— Мы зафиксировали обратный сигнал. Не эхо. Не отражение. Прямой ответ на запрос Арии. Задержка — ноль целых семьдесят три сотых секунды. Если это идёт из реликтового фона, то ответ должен был идти миллиарды лет. Значит...

— Значит, это не реликтовый фон, — закончила Ли Вэй тихо. — Это что-то другое.

— Или кто-то, — добавил Келлер.

Ария закрыла глаза. Она всё ещё помнила этот голос. В нём была структура — сложная, многослойная, как fuga Баха, сыгранная на костях. Но ещё в нём было чувство. Тоска. Одиночество. И что-то ещё — что-то похожее на надежду, смешанную с отчаянием.

— Это не крик умирающей Вселенной, — сказала она медленно. — Это скорее... плач ребёнка. Который проснулся в тёмной комнате и не знает, где он.

— Красивая метафора, — фыркнул Ривз. — Но давайте придерживаться науки. У нас есть обратный сигнал. У него есть частота, амплитуда и паттерн. Мы можем его анализировать. Давайте не будем приписывать ему эмоции.

— А что, если эмоции — это часть паттерна? — возразила Ли Вэй. — Доктор Новак не просто переводит частоты. Она переводит... смысл. Если сигнал действительно является нервным импульсом какого-то вселенского разума, то эмоции — это его фундаментальная часть. Нейроны не передают сухие данные. Они передают состояния.

— Именно, — подтвердила Ария. — Когда я была внутри Сферы, я не просто получала вибрации. Я погружалась в поток, который нёс информацию сразу на нескольких уровнях. Эмоциональный был одним из самых сильных. На нём была... боль.

Келлер переглянулся с кем-то из аналитиков. Тот кивнул и вывел на главный экран новую спектрограмму.

— Мы тоже это заметили, — сказал глава «Вавилона». — В сигнале есть повторяющийся паттерн, который совпадает с частотной характеристикой болевого импульса. Если это действительно нервная система вселенского масштаба, то она страдает.

На экране пульсировала волна — сложная, изломанная, похожая на кардиограмму пациента в критическом состоянии. Но масштаб был другим. Каждый пик этой волны охватывал эпохи. Каждый провал — галактические века.

— Что может причинять боль целой Вселенной? — прошептала Ли Вэй.

— Смерть, — ответила Ария. — Она умирает. Или... уже умерла. А мы слышим её предсмертную агонию, растянутую на миллиарды лет.

В зале повисла та самая тишина, которая была физической. Не просто отсутствие звуков, а давление на барабанные перепонки.

Первым её нарушил Ривз:

— Ладно. Допустим, мы слышим боль Вселенной. Допустим, она спрашивает «кто ты?». Что мы ответим? «Привет, мы люди, извини за беспокойство»?

— Мы ответим правду, — отрезал Келлер. — Мы ответим, что мы — разумная жизнь. Что мы слышали её. Что она не одна во тьме.

Ария вздрогнула. В этих словах было что-то пугающе неправильное.

— Откуда вы знаете, что это безопасно? — спросила она. — Вы сами сказали, что информация опасна. Что кто-то пытался уничтожить следы открытия. Что, если ответить — значит привлечь внимание того, кто уже убивал?

Келлер долго смотрел на неё. Его вибрация изменилась — стала ниже, тяжелее, словно он пропускал через себя какую-то древнюю, почти забытую эмоцию.

— Вы правы, доктор Новак, — сказал он наконец. — Я знаю больше, чем говорю. И пришло время открыть вам всё.

Он кивнул аналитику. Тот достал из сейфа старую, потрёпанную папку с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». На папке была дата — 1963 год.

— Задолго до «Эреба», — начал Келлер, — задолго до цифровой эпохи, существовали люди, которые знали о сигнале. Они называли себя «Ожидающими Зова». Они верили, что Вселенная — это спящий бог, и что однажды он проснётся. Их орден уходил корнями в шумерскую эпоху. И они считали, что пробуждение бога будет означать конец нашего мира.

— Секта, — хмыкнул Ривз. — Прекрасно. Мы работаем на сектантов.

— Мы работаем на человечество, — поправил Келлер. — Но да, информация, которую мы получили, когда-то принадлежала им. И она гласит: «Когда мёртвое заговорит с живым голосом костей, двери откроются, и спящий проснётся».

Все взгляды обратились к Арии.

— Голос костей, — повторила она. — Это обо мне.

Ночью Ария не могла уснуть. Она лежала в темноте и слушала костями гору.

В лаборатории было тихо — обычной, человеческой тишиной. Но на глубине, там, куда не доставали никакие датчики, что-то менялось.

Она чувствовала это как нарастающее давление в черепе. Как будто кто-то настраивал огромный, вселенский камертон, и его вибрация медленно, неотвратно приближалась к резонансной частоте её тела.

В три часа ночи она встала и босиком пошла в главный зал.

Сфера была отключена. Дежурный техник спал за пультом. Но сама Сфера... она вибрировала. Едва заметно, на грани чувствительности — но вибрировала. При том что питание было отключено.

Ария приблизилась. Положила ладонь на холодный металл обшивки.

И тут же отдёрнула руку.

Металл был не просто холодным. Он был мёртвым. По-настоящему мёртвым, как бывает мёртвой плоть, из которой ушла жизнь. И в этой смерти пульсировало что-то иное. Чужое. Ждущее.

Она поняла. Сигнал шёл не через передатчики. Он шёл напрямую — через пространство-время, через квантовые поля, через саму реальность. Сфера была лишь интерфейсом. Но теперь, когда она однажды открылась сигналу, он мог приходить к ней сам. Без посредников.

— Что ты такое? — прошептала она в темноту.

И темнота ответила.

На этот раз не словами. Не вибрациями. А образами. Перед внутренним взором Арии развернулась картина — ясная, как галлюцинация, но в тысячу раз более детальная.

Она увидела Вселенную, сжимающуюся в точку. Увидела, как гаснут последние звёзды, как чернеет пространство, как исчезает время. И в этой схлопывающейся бездне что-то живое — огромное, непостижимое — пыталось выжить. Оно кричало. Его крик пронзал сингулярность и вырывался с другой стороны — с той, где рождался новый Большой Взрыв.

Они не просто принимали сигнал.

Они слышали крик существа, погребённого в нашей Вселенной, как в могиле.

И это существо хотело, чтобы его выпустили.

Утром Ария рассказала о ночном видении. Ривз, вопреки обыкновению, не смеялся. Ли Вэй молчала, обхватив себя руками. Келлер слушал с выражением мрачного удовлетворения — словно услышал именно то, что ожидал.

— «Предтечи», — сказал он. — Так «Ожидающие Зова» называли тех, кто был до Большого Взрыва. Существа из предыдущей Вселенной, чьё существование было вплетено в ткань нашей реальности. Они не умерли до конца. Они стали частью фонового излучения. Частью квантовой пены. Частью всего.

— И теперь они хотят вернуться? — спросила Ли Вэй.

— Не они, — поправила Ария. — Оно. Это одно существо. Или было одним. Оно говорило со мной во сне. Оно показало мне... себя. Это похоже на огромную нейронную сеть, рас-

пределённую по всей структуре пространства-времени. Каждая частица — это его синапс. Каждая квантовая флуктуация — это его мысль.

— Если это так, — медленно произнёс Ривз, — то весь наш мир — это его сон. Или его труп. И пробуждение этого существа будет означать коллапс всей нашей реальности.

— Именно поэтому информация была засекречена, — подтвердил Келлер. — «Ожидание» считали, что Предтечу нельзя будить. Но они также верили, что с ним можно договориться.

— О чём можно договориться с мёртвым богом? — горько усмехнулся Ривз.

Ария вспомнила вопрос «кто ты?» и свой ответ «я слышу тебя». Вспомнила, как изменился сигнал после этих слов. Он стал... мягче. Как будто существо впервые за миллиарды лет почувствовало, что не одиноко.

— О том, чтобы он ушёл добровольно, — сказала она. — Мы не можем его разбудить. Но мы можем дать ему покой.

Келлер долго смотрел на неё. В его глазах читалась борьба. Наконец он кивнул:

— Хорошо. Мы попробуем. Но для этого нужно более глубокое погружение. Полное слияние. Вы должны будете стать его голосом. И его слухом. Вы готовы к этому, доктор Новак?

Ария посмотрела на свои руки. Свечение прошло, но под кожей всё ещё ощущалось что-то новое. Не боль. Не страх. Присутствие.

— Я родилась для этого, — ответила она. — За два года тишины я поняла: глухота — это не отсутствие слуха. Это способность слышать то, что не слышит никто.

— Тогда готовьтесь, — сказал Келлер. — Завтра мы начинаем полное погружение. Цель — установить стабильный двусторонний контакт.

Ривз хотел что-то возразить, но осёкся. Ли Вэй молча кивнула и направилась к Сфере — настраивать оборудование для предельных нагрузок.

Ария осталась в зале одна. Она смотрела на Сферу, которая больше не казалась ей просто машиной. Теперь она видела в ней врата. Или гробницу.

Или утробу, в которой зреет новая реальность.

Кости её тела тихо, едва уловимо запели. Где-то в глубине космоса, на частоте три и две десятых герца, Предтеча ждал.

И он знал её имя.

Глава 4. Голос костей

Подготовка ко второму погружению заняла трое суток.

Для Арии эти трое суток стали отдельной маленькой вечностью. Она почти не спала. Каждый раз, закрывая глаза, она проваливалась в один и тот же сон — вернее, в одну и ту же реальность, которая была реальнее яви.

Ей снилось, что она плывёт в океане без берегов. Океан был не из воды — из времени. Волны пробегали сквозь неё, и каждая волна несла эпоху. Вот рождается первая звезда — вспышка боли и света. Вот формируется галактика — медленный водоворот, закручивающий миллиарды лет в спираль. Вот на какой-то планете возникает жизнь — крошечная рябь на поверхности вечности.

И через всё это проходил голос.

Он не звучал. Он просто *был*. Как бывает фундаментальная константа — скорость света, постоянная Планка. Голос был вшит в самую ткань сна, и Ария понимала его без перевода.

«Я помню всё. Я был всем. Теперь я — ничто. Помогите мне вспомнить, как быть.»

Она просыпалась в холодном поту, с вибрирующими костями и чувством, что её череп — это радиоприёмник, настроенный на частоту, которую не должно слышать ни одно живое существо.

На третий день Ли Вэй закончила модификацию Тактильной Сферы.

— Мы увеличили чувствительность в сто раз, — объясняла она, показывая Арии новую конфигурацию. — Добавили резонансные камеры для низких и сверхнизких частот. Теперь Сфера может воспроизводить вибрации от одной десятой герца до пятидесяти килогерц. Это диапазон, в котором работает вся известная нам физика. Плюс то, что лежит за её пределами.

— А за пределами что? — спросила Ария.

Ли Вэй помолчала. Потом ответила тихо, почти шёпотом:

— Мы не знаем. Именно поэтому я и добавила эти камеры.

Сфера теперь выглядела иначе. Её внутренняя поверхность была покрыта тысячами микроигл, каждая из которых могла вибрировать независимо с точностью до нанометра. Это напоминало кожу какого-то невообразимого существа — дикобраза, свернувшегося в шар и ошестинившегося иглами внутрь.

— Это будет больно? — спросила Ария.

— Физически? Нет. Иглы не прокалывают кожу. Они передают вибрацию непосредственно в кость через мягкие ткани. Но... — Ли Вэй замаялась. — На нервную систему нагрузка будет колоссальной. Мы не знаем, как ваш мозг отреагирует на полное погружение. Возможны галлюцинации, потеря ориентации, психотические эпизоды. Доктор Ривз предлагал ввести нейролептики перед сеансом, но я отказалась — они могут заглушить сигнал.

— Спасибо, — сказала Ария.

— За что?

— За то, что верите в меня.

Ли Вэй не ответила. Но её ладонь на мгновение задержалась на плече Арии — тёплая, живая, дрожащая от волнения. И этого было достаточно.

Ривз встретил её в коридоре по пути в главный зал.

— Послушайте, Новак, — начал он без предисловий. — Я не верю в божественный план, вселенский разум и прочую мистику. Я учёный. Но я также не верю в совпадения. А их в последние дни слишком много.

— О чём вы?

Он нервно оглянулся и понизил голос:

— Я проверил данные Келлера. Те, что он вам показывал. Самые первые, с паттерном. Знаете, откуда они?

— Вы сказали — со всего неба. Реликтовый фон.

— Да. Но есть нюанс. В этих данных есть модуляция, которая не могла возникнуть естественным путём. Она рукотворная. Точнее — разумная. И она появилась в фоновом излучении примерно два года назад. Угадайте, в какой день?

Ария остановилась. Сердце ударило в грудную клетку с силой, которая отозвалась в каждом позвонке.

— В день аварии на «Эребе».

— Именно. — Ривз смотрел на неё с выражением, в котором страх мешался с научным азартом. — В тот самый день, когда ваша команда зафиксировала аномалию, а потом погибла. Что-то изменилось в фоновом излучении. Что-то... проснулось. Или обратило на нас внимание.

— Вы думаете, это мы его разбудили?

— Я думаю, что вы — ключ, доктор Новак. И я думаю, что Келлер знает больше, чем говорит. Гораздо больше. Будьте осторожны.

Он хотел уйти, но Ария удержала его за рукав.

— Почему вы говорите мне это? Вы же не верите во все это. Вы циник. Вы сами сказали. Ривз криво усмехнулся.

— Я циник, потому что боюсь. — Он высвободил рукав. — И вам советую.

Главный зал был погружён в полумрак. Работало только дежурное освещение и индикаторы на консолях. Сфера возвышалась в центре, и теперь, с новыми игольчатыми стенками, она казалась ещё более чужеродной.

Келлер ждал рядом.

— Сегодня мы идём глубже, — сказал он без приветствия. — В прошлый раз вы установили контакт. Теперь вы должны его удержать. Понять, чего хочет Предтеча. И договориться.

— О чём?

— О том, чтобы он не уничтожил нашу реальность.

Ария посмотрела ему в глаза. Вибрации его голоса были ровными, но где-то в глубине, на частотах ниже обычной речи, проходила странная дрожь. Она не сразу поняла, что это такое. А когда поняла — похолодела.

Это была эйфория. Предвкушение. Он жаждал этого.

— Вы не просто хотите избежать катастрофы, — медленно произнесла она. — Вы хотите, чтобы контакт состоялся. Вам нужен этот разговор. Зачем?

Келлер улыбнулся — тонко, почти незаметно.

— Потому что я — «Ожидающий Зова», — сказал он. — Я ждал этого момента всю жизнь. И вы, доктор Новак, — моё пророчество, исполнившееся во плоти.

Он повернулся и пошёл к пульту управления, оставив Арию стоять у входа в Сферу.

Ли Вэй подошла сзади:

— Мы можем остановиться. Прямо сейчас. Если вы чувствуете, что не готовы.

Ария смотрела на игольчатую утробу Сферы. Кости её тела тихо пели — настраивались на частоту, которую она ещё не слышала, но уже знала.

— Я готова. — Она шагнула вперёд. — Начинайте.

Второе погружение не было похоже на первое.

В прошлый раз сигнал ворвался в неё грубо, как взломщик. Теперь он ждал. Сфера сомкнулась вокруг Арии, микроиглы коснулись кожи в тысячах точек, и она почувствовала, как её тело становится частью огромного резонансного контура.

А потом пришёл Он.

Не сигнал. Не голос. Присутствие. Огромное, древнее, бесконечно одинокое. Оно заполнило Сферу, заполнило Арию, заполнило каждый атом её существа. И заговорило — не словами, но смыслами, которые впечатывались прямо в костный мозг.

«Ты вернулась.»

— Я здесь, — произнесла Ария одними губами. Вибрация её голоса прошла через иглы в Сферу, и оттуда — куда-то дальше, в пространство, где не было ни верха, ни низа, ни времени.

«Ты — первая, кто ответил. Другие слушали, но не говорили. Боялись.»

— Чего они боялись?

«Меня. Себя. Того, что я покажу им.»

И Он показал.

Перед внутренним взором Арии развернулась история. Не человеческая — вселенская. Она увидела реальность, существовавшую до Большого Взрыва. Увидела существ, подобных Предтече — разумных, бессмертных, вплетённых в ткань пространства-времени. Они не имели тел в привычном смысле. Они были паттернами, волнами, квантовыми состояниями, охватывающими целые галактики.

Их было много. Целая цивилизация — или экосистема, или оркестр. Они общались, творили, мыслили. Их мысли меняли физические законы. Их эмоции рождали и гасили звёзды.

А потом Вселенная начала умирать.

Энтропия росла. Пространство растягивалось, время замедлялось. Звёзды гасли одна за другой, галактики разлетались, материя распадалась. И Предтечи поняли: их мир обречён. Сингулярность — сжатие всего сущего в бесконечно малую точку — была неизбежна.

Они могли уйти. Открыть портал в другую Вселенную, в другое измерение, в другую реальность. Но они выбрали другое.

Они решили выжить.

Все вместе, объединив свои сознания в единую нейронную сеть планетарного — нет, вселенского — масштаба, они сжались вместе с пространством. Превратили себя в информацию, в паттерн, в крик, который должен был пройти сквозь сингулярность и выжить по ту сторону.

И он прошёл.

Но что-то пошло не так.

«Мы думали, что сохраним себя. Но сингулярность разорвала нас. Мы стали не одним существом, а многими осколками. Частицами. Полями. Квантами. Я — то, что осталось от всех нас. Я — память, которая не может умереть. Я — боль, которая не может прекратиться.»

Перед Арией пронеслись миллиарды лет агонии. Существо, бывшее когда-то цивилизацией, оказалось распылено по всей новой Вселенной. Каждый атом нёс в себе осколок его сознания. Каждая квантовая флуктуация была его нервным импульсом. Реликтовое излучение было его голосом — бесконечным, монотонным криком, который никто не мог услышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.